

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В СТРУКТУРЕ И СОДЕРЖАНИИ СИМВОЛИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

А. А. Сорокин,

*Кандидат политических наук доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин
УО «Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка»*

Важной задачей политической науки на постсоветском пространстве является определение сущности, специфики, характера, форм и факторов воздействия символической политики на восприятие индивидуальным и массовым сознанием процесса принятия политических решений. Согласно определению С. П. Поцелуева, «символическая политика – это особый род политической коммуникации, нацеленной не на рациональное осмысление, а на внушение устойчивых смыслов посредством инсценирования визуальных эффектов. Символическая политика – это не просто действие с применением символов, а действие, само выступающее как символ» [1, с. 62].

Следует подчеркнуть, что при формировании и интериоризации политической идентичности квазиидеологические представления, ангажированные факты, слухи, страхи, иллюзии, ожидания, мечты, схематично оформленные в виде политических символов, мифов и ритуалов играют в политическом сознании масс определяющую роль, так как они позволяют интерпретировать сложные явления экономической и общественно-политической жизни, объяснять и осознать политическую действительность, формировать отношение к политическим партиям, организациям и движениям.

В условиях же цифровизации политического пространства, подобная тенденция только усугубляется: управленческая деятельность институциональных субъектов политического процесса отражается в массовом сознании не в виде объективных фактов, содержащих корреляцию причины и следствия принятых решений, а в виде комплекса представлений, стереотипов, ассоциаций, лозунгов, символов и мифов.

Как психологический феномен политическая идентичность является результатом самосознания индивида, его самоидентификации на основании значимых и устойчивых символических критериев, отражающих включенность в социальное окружение и принадлежность к политическому сообществу, в котором артикулированы его интересы.

В процессе символической деятельности субъект политики, стремясь к стройности и упорядоченности дискурса, сам порождает миф не только как принцип существования символического универсума вокруг него, но и как принцип собственного существования. В. А. Емелин, определяя сущность политической идентичности, в этой связи подчёркивал, что она, прежде всего выступает как «феноменологически переживаемая субъектом тождественность самому себе», «чувство принадлежности\непринадлежности к общностям и «осмысленности\неосмысленности личного существования в качестве субъекта\объекта деятельности» [2, с. 17–18].

Политическая идентичность как элемент индивидуального и массового сознания существует за счет актов постоянного воспроизведения в разнообразных процессах коммуникации. Идентичность в политике имеет «проектный» характер и подразумевает связанную последовательность принципов, символов и интерпретаций. При обретении политической идентичности субъект политического процесса отождествляет себя с событиями и группами, которые приобрели для них символическое значение. При этом политическая идентичность в полном смысле не совпадает с актом политической самоидентификации, а включает в себя множество различных ролевых и социальных моделей, зачастую выраженных в ритуалах [3, с. 109].

Речь, таким образом, идёт как об индивидуальной так и о коллективной репрезентации представлений на уровне коллективного сознания и коллективного бессознательного, распределяемых по структуре на индивидуальный и групповые уровни. И если в первом отражается совокупность первоначальных психологических характеристик, придающих индивиду качество уникальности личности, во втором – результат идентификации, детерминируемый ожиданиями и нормами социальной среды, что его окружает. Ссылаясь на российского политолога И. Н. Тимофеева, следует отметить, что под индивидуальной политической идентичностью понимается «отождествление индивидом себя с определенными политическими принципами или установками, в то время как коллективное измерение выступает в качестве политического проекта, политического самоопределения коллективного «Я» превращая разрозненных индивидов в политическое сообщество, сплоченное общим проектом, целями и ценностями» [4, с. 13–14].

Как индивидуальная, так и коллективная политическая идентичность обладают тремя основными свойствами, постоянно присутствующими в политическом сознании: общий опыт государственности, общая ответственность за будущее государства, набор общих ценностей для данного социума. Опираясь на эти признаки, И. Тимофеев даёт определение групповой идентичности как «разделяемое гражданами представ-

ление о государстве, как самоопределение коллективного политического Я, когда социум, определяя свою идентичность «воображает» себя в качестве уникальной духовной целостности» [4, с. 28, 32–33].

Российский исследователь идентичности И. Н. Тимофеев проводит разграничение близких по смыслу понятий «политическая идентичность», «политическая идеология» и «политическое самосознание». Политическую идентичность от идеологии отличает прежде всего всеобщность распространения, она может охватывать множество политических акторов с различными идеологиями, поскольку несет в себе идею гражданственности независимо от тех или иных партийных предпочтений. Однако как идентичность, так и идеология находят свое воплощение в нормативной политической доктрине и могут быть выражены в доктринальных документах. С политическим самосознанием идентичность объединяет идея осуществления функций легитимации политического порядка, консолидации граждан, политической мобилизации и интеграции. [5, с. 52].

Политическая идентичность, выступая одним из компонентов как индивидуального, так и массового политического сознания, выражается в политическом процессе как набор когнитивных моделей восприятия, понимания и репродуцирования политического поведения, одновременно являющихся результатом осознания народом своей исторической памяти, так и результатом осмысления современной социальной действительности.

Е. Бабосов подчёркивает, что в результате процесса идентификация формируются, закрепляются либо трансформируются ролевые модели идентичностей, помогая индивиду усваивать определенные нормы и роли. Объектами этого процесса могут выступать как реальные люди, их поведенческие особенности, так и персонажи художественных произведений. Белорусский учёный подчёркивает, что «именно в процессе идентификации индивид признает те или иные конститутивные признаки и свойства своими собственными индивидуальными характеристиками, отождествляясь в том или ином отношении с данной группой» [6, с. 75]

На наш взгляд можно выделить ситуационную идентичность, которая непосредственно обусловлена мимолётной символической реальностью и непосредственно связана с политической практикой и трансверсальную идентичность, аккумулирующую в себя не только сиюминутные политические настроения и аттитюды, но и более фундаментальные национальные мифы, архетипы и глубинные ролевые модели поведения и социализации.

Ситуационная идентичность относительно легко изменчива, поскольку в ней отсутствует принятие личностью интериоризированных норм, практик, ценностей и т.п. Этим она и отличается от политического менталитета, который, являясь стабильным компонентом политического сознания, отражает представления о мире в целом, о природном и социальном окружении, о самих себе. Определяя содержание понятия «менталитет», белорусский учёный

В. В. Кириенко подчёркивает: «менталитет – социально-культурный сознательно-бессознательный феномен, который представляет собой слой исторической памяти, «спрессованного» социального опыта как предыдущих, так и ныне живущих поколений, предопределяющий синхронизацию переживаний и алгоритмов социального действия большинства членов социума, обеспечивая его целостность в пространстве и времени в различных, в том числе и в критических, условиях общественного развития» [7, с. 90].

Наряду со значительной волатильностью политических представлений ситуационная политическая идентичность также характеризуется радикализмом и приверженностью политическим и социальным субкультурам и является исходным материалом для выстраивания надличностной политической идентичности человека.

Косвенным подтверждением данных характеристик выступает феномен «переменных избирателей». Немецкий социолог Ульрих Бек в этой связи подчёркивает: «В современных западных демократиях параллельно с процессом глобализации выросла доля «переменных избирателей», которые на каждых выборах голосуют по-новому: из-за них политический процесс становится просто непредсказуемым. Если всего несколько десятилетий назад такой «кочующий электорат» находился в границах 10 %, то в начале XXI века их доля составляет уже 40 % от общего числа избирателей» [8, с. 287–288].

Наряду с ситуационной, можно выделить и трансверсальную политическую идентичность, которая обладает устойчивостью во времени, появляется на основе «внутренней работы» субъекта по оценке и принятию (либо непринятию) ситуационных идентичностей и их интериоризации.

Главное свойство трансверсальной политической идентичности – определённый состав важнейших общих ценностей, которые разделяются основной массой граждан. В рамках политики исторической памяти целью любого политического конструирования как в сфере исторической мифологии так и в целом политики памяти является именно трансверсальная идентичность, поскольку только она может обеспечить социуму как единому целому – устойчивость во времени, а индивидам – включение в систему социальных связей.

Необходимо понимать, что ситуационная идентичность в условиях транзитивного общества всегда находится в лабильном состоянии и выступает в качестве поиска оптимального варианта для формирования

идентичности трансверсальной. Нежизнеспособный идеологический и символический политический «проект» вновь редуцирует идентичность к ситуационной множественности.

На успешность формирования политической идентичности, по мнению российского политолога С. П. Поцелуева, влияют метафоричность и мифологичность выбираемых «конструкторами идентичности» политических символов, их когнитивная и аффективная согласованность и убедительность [3, с. 133].

В этой связи особое значение представляют собой ресурсы политической идентичности позволяющий конструировать единое сообщество, легитимировать существующий порядок вещей и мобилизовать граждан на совместные действия посредством формирования чувства общности и важных для всех политических задач.

Необходимо подчеркнуть, что формирование и разрушение политической идентичности в виртуальном пространстве как особая форма политической коммуникации имеет ряд особенностей.

Во-первых, она представляет собой целостный набор политических технологий, направленных на программирование прямых и косвенных факторов, обеспечивающих репрезентацию и саморепрезентацию политического сознания: политических стереотипов, массовых политических настроений, социальных аттитудов, и массового политического поведения.

Во-вторых, формирование политической идентичности представляет собой сознательно-бессознательный, процесс по инфильтрации в общественное сознание ценностного, символического и мифологического капитала, направленного на трансгрессию ситуативной политической идентичности в трансверсальную.

В-третьих, в условиях виртуального пространства по мере распада традиционных форм идентификации, утраты и релятивизации цивилизационных ориентиров, обесмысливание индивида проникает в саму структуру самосознания современного человека, форсируя процесс самоотчуждения субъекта, растворения его в объективированном виртуальном пространстве. Факт и событие, составляющие основу для конструирования исторической памяти и политической идентичности на основе объективного знания в условиях виртуального политического пространства теряют значение в пользу символического осмысления и их интерпретации. Приоритетным становится не объективное, а субъективное знание, часто подчинённое не рациональным, а внерациональным факторам и закономерностям.

Манипулирование политической идентичностью представляет собой специфическую политическую деятельность широкого спектра экстремистских политических сил, направленную на разрушение структуры и содержания общественного сознания жителей как Российской Федерации так и Республики Беларусь, замещение исторической памяти ложными политическими мифами, деформацию политического менталитета граждан, формирование протестных политических настроений, подрыв легитимности существующего строя и его основных элементов, а также создание, развитие и модерирование сетевых оппозиционных политических сообществ с целью реализации технологии «цветной революции».

В соответствии со структурой и функциями политической идентичности нами была осуществлена попытка выделения типологии манипулятивных технологий.

Манипулятивные технологии, воздействующие на константные компоненты трансверсальной идентичности, деформируют историческую память, разрушают национальный менталитет, осуществляют подмену и десакрализацию традиционных ценностей. Примером такой технологии является технология «синтетических идентичностей», согласно которой происходит дробления российской государственной идентичности на макрорегионы, с последующим противопоставлением их российской политической и исторической традиции. Суть технологии в том, что изменение национальной самоидентификации разбивается на несколько этапов, каждый из которых переносит локальную мифологическую идентичность ближе к процессу интериоризации, а общепринятую норму отодвигает к его границе

Манипулятивные технологии, воздействующие на инерционные компоненты ситуационной идентичности, в результате действия которых формируются и распространяются деструктивные политические стереотипы, установки, стереотипизируется, раздробляется и искажается политический дискурс, внедряются в сознание человека ложные политические симулякры. Примером является технология «когнитивного взрыва», когда в результате работы двух разнонаправленных интерпретационных машин разрушающего три вида закономерностей: факты, правила и метаправила.

Манипулятивные технологии, воздействующие на компоненты политической идентичности в сети Интернет. В результате их воздействия в обществе господствующими становятся радикальные политические настроения и различные формы девиантного политического поведения, используемые в процессе реализации технологии «цветной революции». Примером такой технологии выступает виртуализация политического пространства, выраженная в появлении новых форм идеологической и пропагандистской работы (мемы, медиавирусы, демотиваторы), массового политического поведения (флешмобы) и заменой структурированной картины политической реальности на её мозаичную симуляцию.

В заключении необходимо подчеркнуть, что для предотвращения политических кризисов и внутренних конфликтов государству следует проводить активную символическую политику по защите и развитию конструктивного интегрирующего политического мифа, которая в сфере массового сознания и исторической памяти находит своё отражение в системной идеологической работе, направленной на освоение индивидуальным и групповым сознанием символических форм политического бытия.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК.

1. Поцелуев, С. П. Символическая политика как инсценирование и эстетизация / С. П. Поцелуев // Полис. – 1999. – № 5. – С. 62–75.
2. Емелин В. Идентичность в информационном обществе / В. А. Емелин. – М.: Издательство «канон+» РООИ «Реабилитация», 2017. – 360 с.
3. Поцелуев С. П. Символические средства политической идентичности. К анализу постсоветских случаев. / С. П. Поцелуев // Трансформация идентификационных структур в современной России. Под ред. Т. Г. Стефаненко. М. : МОНФ, 2001. С.106–160.
4. Тимофеев И. Н. Политическая идентичность России в постсоветский период: альтернативы и тенденции : монография / Моск. гос. Институт междунар. отношений (ун-т) МИД России, каф. полит. теории. – М. : МГИМОУниверситет, 2008. –176 с
5. Тимофеев И. Н. Российская политическая идентичность сквозь призму интерпретации истории / И. Н. Тимофеев // Вестник МГИМО. – 2010. – № 3. – С. 51–59.
6. Бабосов, Е.В., Идентичность как фактор консолидации [Электронный ресурс] / Е. В. Бабосов // Беларус. думка. – 2013. – № 3. – Режим доступа: https://beldumka.belta.by/isfiles/000167_943267.pdf. – Дата доступа: 19.11.2019.
7. Кириенко, В. В., Менталитет как социологическая категория: предметное поле, структура, функции [Электронный ресурс] / В. В. Кириенко // Социология. – 2009. – № 3. – 85–97 Режим доступа: <http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/7789/1/10 Кириенко В. В. pdf>. – Дата доступа: 19.11.2019.
8. Бек, У. Общество риска на пути к другому модерну / У. Бек ; пер. с нем. В. Седелника, Н. Федоровой. – М. : Прогресс-Традиция, 2000. – 381 с.

ФЕНОМЕН НИГИЛИЗМА В ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ МАРТИНА ХАЙДЕГГЕРА

А. А. Сорокин,

*кандидат политических наук доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин
УО «Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка»*

М. Базылюк,

*студентка группы , 2 курса, Факультета эстетического образования
УО «Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка»*

XX век внес в человеческую жизнь новую лепту фантастического содержания именуемую экзистенциальной метафизикой. Категориальная структура этой метафизики была ориентирована на иные сферы человеческого опыта, чем те, которые были канонизированы наукой и общественным сознанием XIX века, это время колоссального трагического испытания буржуазного либерализма и правопорядка перед лицом новых условий и вызовов современности. Ответом на них оказались мировая война и революции, в тигле которых выплавлялся металл тоталитарных политических порядков. Тоталитаризм вошел в жизнь европейского человека уже не как абстрактная идея, а как практический принцип организации общества, призванный мобилизовать весь его потенциал, все возможности ради достижения призрачной мечты господства, порядка и универсальной справедливости.

Как в межвоенный период, так и после обеих мировых войн само восприятие человека и мира, предложенное модернизмом, вступало в противоречие со всем строем предшествующего ему мышления и философии. Модернизм проявил исключительное внимание к духовным и жизненным практикам человека, до тех пор подвергавшимся различным запретам, вытеснениям и дискредитации. Современный мир с его нарастающей цифровизацией и симуляцией социальных, политических и духовных процессов бросил вызов, онтологической природе человека, отгородив его от природы своего бытия не только удобствами, но и новыми фундаментальными вызовами.